

УДК 321.7+323.2

DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.016

Немецкие ученые об исторических и современных аспектах политической коммуникации в Германии в контексте развития демократии

Донин Александр Яковлевич

Кандидат политических наук,
доцент,
кафедра социально-политических наук,
Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет,
194021, Российская Федерация, Санкт-Петербург, переулок Институтский, 5;
e-mail: alexander_donin@mail.ru

Аннотация

Появление политической коммуникации как вербального общения равноправных субъектов относится в европейских странах к эпохе абсолютизма. Методологической основой для ее изучения в политической науке Германии является концепция буржуазной публичной сферы, разработанная Ю. Хабермасом. Эта концепция позволяет определить отношения между частной жизнью и политической коммуникацией, а также значение институализированных коммуникаций в обществе для развития политических процессов. Несмотря на признание в целом концепции буржуазной публичной сферы, она критикуется в научной среде Германии за недооценку роли ученых в зарождении политической коммуникации, за отсутствием анализа политических коммуникаций в плебейской среде, а также за недооценку невербальных политических коммуникаций. Анализ немецких ученых политической коммуникации в Веймарской Германии позволяет сделать вывод о том, что полноценная политическая коммуникация невозможна в обществе, в котором отсутствует единство по фундаментальным политическим ценностям и наблюдается жесткий экономический кризис. В кризисных условиях весьма эффективными оказываются невербальные коммуникации, причем те из них, которые рассчитаны на эмоциональное воздействие. Применительно к современности немецкие ученые стремятся решить задачу совершенствования демократии при помощи развития политической коммуникации. Спектр их предложений включает в себя как идеи по совершенствованию либеральной демократии, так и переход в ФРГ к коммуникативной модели демократии.

Для цитирования в научных исследованиях

Донин А.Я. Немецкие ученые об исторических и современных аспектах политической коммуникации в Германии в контексте развития демократии // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 5А. С. 145-156. DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.016

Ключевые слова

Политическая коммуникация, политическая публичная сфера, демократия, буржуазное общество, общественность, средства массовой информации.

Введение

Отношение к связям в социуме как к компоненту, формирующему его целостность, имеет глубокую традицию в немецкой философской мысли. На рубеже XIX и XX вв. значительный вклад в изучение коммуникативных связей в обществе сделан немецкими социологами, прежде всего, Ф. Теннисом. В конце XX в. Н. Луман заявил, что коммуникация «является подлинно социальной (и единственной подлинно социальной) операцией» [Луман, 2004, 86], подчеркнув тем самым тождественность общества и коммуникации.

В последние десятилетия объектом пристального изучения немецких ученых стала политическая коммуникация. При этом в поле зрения ученых Германии находятся как история политической коммуникации в немецком обществе, так и современная политическая коммуникация.

В социально-политической мысли Германии накоплены значительный методологический потенциал и богатый фактический материал, относящиеся к изучению коммуникативных процессов. Целью данной статьи является рассмотрение и анализ наиболее важных, с точки зрения автора, подходов немецких ученых к изучению политической коммуникации в качестве предпосылки и компонента демократии.

Анализ процесса зарождения политической коммуникации в Германии

Появление элементов политической коммуникации в социальной коммуникации тогдашней, еще раздробленной Германии, относится к эпохе абсолютизма, более точно – к началу XVIII века, и связывается с началом разрушения неограниченной власти монархов и политической таинственности, которая эту власть окружала. Фактором, без которого было бы невозможно развитие политической коммуникации, стало распространение идеологии Просвещения и тесно связанного с ним либерализма.

Возникновение политической коммуникации неразрывно связано и с появлением общественности, гласности и общественного мнения. В немецком языке для обозначения этих явлений используется слово “Öffentlichkeit”. В социально-политических науках это понятие может также обозначать сферу контроля власти со стороны критически настроенных городских буржуа, прозрачность процесса принятия решений в политической сфере, определенный институализированный коммуникативный процесс, а также способ либо сферу обмена информацией.

Большое значение для понимания зарождения и развития коммуникации в Европе имеет выполненная в 1962 году диссертационная работа Ю. Хабермаса “Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft” («Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества»). В ней предложена концепция буржуазной публичной сферы. Эта сфера, по Хабермасу, возникает в Англии, во Франции и в немецких государствах как результат недовольства буржуазией ее положением. К факторам, способствовавшим формированию буржуазной публичной сферы, следует отнести развитие права и, прежде всего в Англии, освобождение сферы экономики от административного вмешательства властей.

Буржуазная публичная сфера, с одной стороны, четко отделена от сферы частной жизни, но с другой стороны связана с ней, поскольку основана на объединении в публику *частных лиц*.

Внутри публичной сферы, по мнению Хабермаса, следует выделять литературную сферу и политическую сферу.

Буржуазной публичной сфере в средние века предшествовала так называемая репрезентативная публичная сфера. Она проявлялась в том, что власть посылала народу различные символические и вербальные сигналы. Эта форма публичной сферы подразумевала преимущественно одностороннюю коммуникацию «сверху вниз» и поэтому ее нельзя назвать политической в современном смысле слова.

Прогрессивное значение буржуазной публичной сферы состоит, прежде всего, в том, что буржуазия, борясь за независимость от государства, стала поддерживать равноправные вербальные коммуникации, независимое интеллектуальное и художественное творчество. Началось формирование независимых средств массовой информации. В этом контексте Хабермас характеризует прессу как «элемент целостной взаимосвязи сообщения раннего капитализма» [Хабермас, 2016, 70], пишет о ее «взрывной силе».

Первоначально основной задачей буржуазной публичной сферы было регулирование буржуазного/гражданского общества. Затем, во многом благодаря влиянию Великой французской буржуазной революции, на первый план вышла задача воздействия на политическую власть. Благодаря этому буржуазная публичная сфера приобрела более выраженный политический характер и стала генератором прогрессивных политических идей.

По справедливому замечанию английского ученого Ф. Уэбстера, «идея публичной сферы чрезвычайно привлекательна для сторонников демократии и тех, кто испытал на себе влияние идей Просвещения» [Уэбстер, 2004, 220]. Это обусловлено тем, что эта идея позволяет понять роль коммуникации для развития демократии и значение возможности свободно и рационально принимать решения.

Однако, несмотря на позитивное отношение к концепции буржуазной политической публичной сферы Хабермаса, некоторые теоретические подходы этого автора подверглись в немецкой научной литературе критике и уточнениям.

Так, по мнению известного немецкого историка А. Гештриха, тезис Хабермаса о том, что буржуазная публичная сфера формировалась, прежде всего, в хозяйственной сфере, не соответствует реалиям Германии. На ее территории еще в период позднего средневековья появились высокоспециализированные специалисты. Это произошло благодаря интенсификации обмена информацией между государствами, а также в результате дифференциации видов деятельности. В среде этих людей зародились институализированные дискуссионные связи, «вполне обладавшие характером «протопубличной» сферы в буржуазном смысле этого слова» [Gestrich, 1994, 29].

В качестве относительно независимого от хозяйственной сферы слоя в конце XVII века в Германии сформировалось сообщество ученых. Оно, представлявшее собой, образно говоря, «республику ученых», отличалось институализированным уровнем внутренних коммуникаций и стремлением к независимости мышления. В научных трудах юристов и философов периода позднего абсолютизма не всегда в приятном для властей ракурсе поднимались политические вопросы.

Концепция буржуазной публичной сферы критикуется также за то, что в ней речь идет только о дискурсивной, т.е. словесной коммуникации. Игнорирование Хабермасом невербальной коммуникации привело, по мнению отдельных немецких ученых, к сужению им публичной сферы. Это представляется особенно важным для периода абсолютизма, когда именно благодаря невербальной коммуникации участниками публичной сферы становились

широкие слои населения, т.е. те, кого в то время было принято именовать «плебеями» и «чернью». Характеризуя значение невербальной коммуникации, Гештрих пишет: «Неязыковые символы служат отнюдь не только односторонней презентации статуса и власти, но могут быть совершенно рациональной и эффективной формой понимания социального положения вещей и потребностей» [ibid, 30]. Они (например, шествия) могут выражать политические требования.

Отсутствие в работах Хабермаса рассмотрения плебейской публичной сферы преуменьшает, по мнению автора данной статьи, эмансипационный и демократический смысл политической коммуникации в рассматриваемый период.

Хабермас распространяет свой теоретический анализ буржуазной публичной сферы и на XIX век. Согласно его концепции, в середине XIX века, после укрепления позиций буржуазии в государственной сфере, началось разложение буржуазной публичной сферы. Распад литературной сферы сопровождали следующие явления: утрата со стороны буржуазии интереса к образованным слоям общества; потеря этими слоями ощущения того, что они выполняют значимую общественную миссию; появление свободной от социальной привязки интеллигенции; переход руководства информационной средой в руки группы хорошо оплачиваемых функционеров, выросших из люмпен-пролетарской богемы. Характеризуя процесс распада данной сферы, Хабермас пишет: «... публика вообще утратила специфическую форму коммуникации, распавшись на меньшинства публично резонерствующих специалистов и на великую массу публично воспринимающих потребителей» [Хабермас, 2016, 246]. Распространяемый СМИ информационный контенте постепенно стал утрачивать социальную заостренность.

Деградация буржуазной политической публичной сферы, согласно Хабермасу, выражается во вторжении буржуазного государства в общественный порядок с целью опеки, управления и распределения благ. Немецкий ученый отмечает: «По мере того как взаимопроникновение государства и общества разрушает частную сферу, чья самостоятельность обеспечивала универсальность законов, сотрясаются и основы сравнительно однородной публики резонерствующих частных лиц» [там же, 252].

В заключение раздела хотелось бы отметить, что хотя концепция буржуазной публичной сферы Хабермаса является концепцией анализа вербальных социальных коммуникаций в *буржуазной* среде, ее, при определенных дополнениях, можно использовать для анализа коммуникативных процессов в современном гражданском обществе. Это придает ей качества универсальной модели публичной сферы, пригодной для изучения не только западных обществ XVIII-XIX вв., но и индустриального общества в XX веке, а также постиндустриального общества.

Оценка особенностей политической коммуникации в Веймарской республике

Гибель демократии в Веймарской Германии неразрывно связана с распадом коммуникативных связей в обществе, а также с неспособностью государства интегрировать в демократические процессы достаточно широкие слои населения. Характеризуя немецкую государственность того периода, Х. Форлендер пишет: «Конституционная система Веймара основала демократический порядок, который при нормальных обстоятельствах гарантировал функциональность и стабильность. Однако решающим было то, что Веймарская республика с

самого начала была нелюбимой республикой. Для многих Веймарская система была отмечена позорным пятном Версаля. Демократия не обладала, как дитя поражения в Первой Мировой войне, достаточной поддержкой среди населения и у политических и административных элит. Она была демократией без демократов» [Vorländer, 2003, 81].

Однако сущностные проблемы Веймарской республики отнюдь не сводились к ее «первородному греху», они были весьма разнообразны. Х. Арендт основой кризиса тогдашней демократии видит разрушение классовой структуры общества, которые привели к появлению громадного количества людей, вытолкнутых из системы привычных неформальных социальных связей, обеспечивавшим им поддержку.

Итогом разложения классов, согласно Арендт, является возникновение масс. По словам Арендт, «главная черта человека массы – не жестокость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений» [Арендт, 1996, 422]. Индивидуально политически пассивный, он имеет вкус к политическим действиям в качестве элемента массы. Человек массы утрачивает интерес к собственному благополучию. Успех для него, в первую очередь, это успех коллективный. С выходом на политическую арену масс уровень эффективности тогдашних демократических систем резко снизился. Традиционные политические партии, носившие тогда довольно четко выраженный классовый характер, не смогли канализировать новую политическую активность. С точки зрения теории политической коммуникации, произошло существенное ослабление коммуникаций между народом и государством через политические организации. В результате мировой экономической кризис, чрезвычайно остро проявившийся на рубеже 20-х – 30-х годов XX века в Германии, привел в этой стране к массовому разочарованию в демократии и к приходу к власти национал-социалистов. В среде элиты в то время широкое распространение получили нигилистические настроения, многие интеллектуалы разделяли настроения масс.

Э. Фромм, характеризуя социально-политическую ситуацию в Веймарской республике, пишет о недовольстве демократией, хотя и по разным причинам, и в разной степени, со стороны практически всех слоев населения. Предмет его исследования – психологические причины прихода нацистов к власти. Фромм пишет, что чувства недовольства, изолированности, разочарования и растерянности способствовали распространению в обществе, особенно среди низов среднего класса, состояния фрустрации. При этом, по утверждению ученого, «националистические страсти стали рационализацией, заменявшей социальную неполноценность неполноценностью национальной» [Фромм, 2017, 211]. Состояние фрустрации благоприятствовало превращению отдельных индивидов в безликие массы, готовые подчиняться тому, кто сможет использовать их страхи и инстинкты. Естественно, что политические коммуникации в этих условиях принимали односторонний характер. При этом лидеры нацистской партии сознательно стремились психологически подавить людей, превращая коммуникацию в пропаганду. В Германии возросло значение невербальных коммуникаций, отличавшихся преимущественно эмоциональным воздействием на массы.

Современный немецкий ученый О. Данн пишет: «Нация Веймарской республики была *расколотой нацией*» [Данн, 2003, 262]. Это, в частности, означает, что в Германии того периода весьма слабыми были горизонтальные политические коммуникативные связи. Важным проявлением этого явился тот факт, что общественные силы страны оказались не в состоянии прийти к согласию относительно даты общего политического праздника. В качестве такового сторонники различных политических сил выбрали себе даты тех или иных событий по своему усмотрению [см.: там же, 260-261].

О крайней слабости горизонтальных политических коммуникаций в Веймарской республике пишет и современный немецкий ученый А. Маас. По его мнению, они были обусловлены, прежде всего, отсутствием консенсуса между партиями о ценности конституционного демократического устройства страны. Последовательными республиканцами выступали только социал-демократы и левые либералы. Праволиберальные и консервативные политические силы проявляли лишь относительное согласие с политическим устройством тогдашней Германии. Коммунисты стояли на ярко выпаженных революционных позициях, считая образцом для подражания советский опыт. Национал-социалисты также резко отрицательно относились к Веймарской демократии, но, пытаясь предстать перед народом защитниками государственности, после провала «пивного путча» в 1923 году лицемерно заявляли о своем стремлении действовать законными средствами. Отсутствие согласия по базовым политическим ценностям делало невозможным смысловой диалог между политическими партиями о стратегии развития страны.

Что касается коммуникации посредством СМИ, то в условиях нарастания экономических проблем апелляции к разуму граждан со стороны сил, поддерживавших Веймарскую республику, теряли эффективность. Радикальные партии – коммунисты и нацисты – все более активно использовали для своей пропаганды театрализованные мероприятия, наглядную агитацию и невербальные средства. Главная причина того, что национал-социалисты получили широкую общественную поддержку, по словам Мааса состоит в том, что они «выглядели как новая, нерастроченная политическая сила. При помощи своих легко понимаемых, националистических и антидемократических лозунгов они обещали преодолеть общественные противоречия, которые действовавшие ранее политические актеры с очевидностью не смогли решить в ходе их парламентской работы» [Маас, 2009, 367].

Завершая краткое рассмотрение анализа немецкими учеными политической коммуникации во времена Веймарской Германии, можно выразить их суждения следующими положениями:

- политическая коммуникация – это явление, зависимое от экономических, социальных, психологических и политических факторов;
- коммуникативные процессы происходили на фоне потери значительной частью населения жизненных перспектив;
- коммуникативные процессы в преобладающей степени не имели характера интеллектуального общения субъектов, носили эмоциональный характер;
- в условиях отсутствия общенационального консенсуса относительно фундаментальных принципов государственного устройства политическая коммуникация между политическими и социальными субъектами фактически была заменена пропагандистскими кампаниями отдельных партий, что имело разрушительный характер для демократии.

Немецкие ученые о проблемах развития политической коммуникации в ФРГ конца XX – начала XXI вв.

Активизация изучения политической коммуникации учеными ФРГ в контексте совершенствования демократии наблюдается с начала 80-х годов XX века. Интерес к политическим коммуникациям был обусловлен желанием немецких политологов объяснить широко распространенное в немецком обществе недовольство политикой и способствовать его преодолению.

В этот период Хабермас выдвигает нормативную теорию демократии, которую он именуется «теория дискурса». Эта теория, по словам ее автора, «основывается именно *на условиях коммуникации*» [Хабермас, 2001, 391] и, по существу, является разновидностью делиберативных теорий демократии. Теория дискурса призвана, по мнению Хабермаса, преодолеть недостатки двух других нормативных теорий демократии: либеральной и республиканской (восходящей к идеям Ж.-Ж. Руссо) и, в то же время, включить в себя их положительные компоненты. Главными недостатками либеральной теории, по мнению Хабермаса, является то, на практике она выступает, прежде всего, «стражем экономического сообщества», абсолютизирует роль выборов и традиционных политических институтов. В результате либеральное понимание демократии объективно сужает возможности для выражения интересов отдельных граждан, общественно-политических движений и различных новых, постоянно формирующихся социально-политических субъектов. Главными недостатками республиканской теории является идеализм, выражающийся в переоценке добродетельности граждан, а также недооценка положительного значения универсальных и институциональных компонентов политической организации. Что же касается положительных элементов обеих теорий, Хабермас пишет: «Теория дискурса воспринимает элементы обеих сторон и интегрирует их в понимание идеальной процедуры совещания и принятия решений. Эта *демократическая процедура* устанавливает внутреннюю связь между *переговорами, дискурсами самосогласия и справедливости* и обосновывает предположение, что при таких условиях достигаются разумные и соответственно честные результаты» [там же, 392].

Делиберативная демократия в том виде, в каком ее понимает немецкий философ, должна основываться на такой коммуникации, которая подразумевает *коммуникативное действие*. Отличительными чертами практических дискуссий должны быть признание их участниками друг друга полноправными субъектами, равными в политическом и моральном смысле, а также аргументированность точек зрения.

Чрезвычайно важным для понимания взглядов Хабермаса является его тезис о том, что «теория дискурса делает осуществление делиберативной политики зависимым не от коллективно дееспособной совокупности граждан, но от институализации соответствующих процедур» [там же, 395]. Это означает, что народный суверенитет должен стать коммуникативно воспроизводимой властью, а административная власть будет формироваться коммуникативно. Итог всего процесса должно стать общество, которое из трех выделяемых Хабермасом ресурсов власти – денег, административной власти и солидарности – будет отдавать предпочтение солидарности.

Многие ключевые особенности развития современной политической коммуникации были сформулированы в 1993 году известным немецким политологом У. Сарцинелли. По его убеждению, необходимость налаживания взаимных коммуникаций государства и общества является неотъемлемой характеристикой демократии, выраженной в принципе суверенитета народа.

Сарцинелли отмечает возникновение нового социально-политического фона политической коммуникации в ФРГ. Его создает, с одной стороны, необходимость для государства согласовывать свои действия с многочисленными группами интересов. С другой стороны, его формирует модернизация общества. К чертам последней Сарцинелли относит необозримый разброс ценностей в обществе, растущие притязания снизу на политическое участие, отрыв политического поведения от социальной структуры, инструментализм политического

поведения, т.е. выдвижение людьми при выборе политического действия на первый план критерия соотношения личных издержек и пользы. При этом наблюдается снижение интереса к традиционным институтам: к церкви, к партиям, к выборам, а также к политике в ее обычном виде. Однако уровень политической компетентности граждан часто оставляет желать лучшего. Общественное мнение, как следует из рассуждений Сарцинелли, становится большой условностью, поскольку оно не возникает, а создается в результате целенаправленной деятельности различных организованных субъектов. Кроме того, общественное мнение наполнено стереотипами, фиктивными представлениями, схематизмом и многим другим, что можно определить как «псевдо-окружающий мир». Задача адекватного понимания политики затрудняется тем, что общие политические цели и интересы сложнее формировать, представлять и обсуждать, чем частные. В связи с этим немецкий автор пишет: «И чем комплекснее становится политика, чем непрозрачнее система переговоров и чем длиннее процесс принятия решений, тем больше вероятность того, что общественную коммуникацию определяют эмоциональное, ориентированное на театральность, символическое» [Sarcinelli, 1994, 17].

Вместе с тем, характеризуя символическую политику, Сарцинелли не считает, что она служит только для ослабления способности граждан мыслить. Ученый пишет: «Символика, символизирование, изображение – выраженные будь то посредством понятий, картин или посредством соответствующих действий – являются основной потребностью и условиям социального существования и, постольку, универсальной предпосылкой политической коммуникации» [ibid, 18]. Нельзя забывать о том, что существует и демократическая символика. В процессе восприятия интеллектуальное и эмоциональное слиты. Важно, по мнению Сарцинелли, не отрицать символические коммуникации, а не допускать того, чтобы политические коммуникации превращались в абсолютные инсценировки.

К числу проблем современной политической коммуникации Сарцинелли относит рост развлекательности в программах медийных средств, что обусловлено борьбой за публику, а также огромный объем информации, в котором люди не могут разобраться и который сегментирует общество. В результате политическая публичная сфера исчезает. При этом проблемой для политического дискурса является переплетение интересов политиков и журналистов, возникновение между ними «коррупции отношений» [ibid, 22].

Разложению политической публичной сферы также способствует создание благодаря телевидению у граждан неверного, упрощенного понимания процесса принятия политических решений.

Перспективы положительной трансформации политической коммуникации Сарцинелли связывает с частичной релятивизацией партийной конкуренции и с изменением моделей существующей политической публичности. Для достижения этого он считает важным, во-первых, формирование нового, подлежащего конституционной защите, инструментария участия. При этом основной упор следует делать не на расширении участия при помощи прямой демократии. По мнению Сарцинелли, «более многообещающей в смысле ориентированности коммуникации на взаимопонимание является ситуация, когда государственная и социальная институциональные системы сами открываются для нормообразующих процессов политической коммуникации» [ibid, 24].

Во-вторых, государство должно создать информационные условия для изменения процесса управления на всех уровнях. При этом возможно привлечение нейтральных посредников из числа граждан для решения конфликтов.

В-третьих, и этот уровень подхода к проблеме улучшения политической коммуникации Сарцинелли считает центральным, необходима «трансформация партийного государства в гражданскую демократию» [ibid, 25]. Она предполагает не только превращение партий в более открытые структуры, но и конституционное обеспечение бóльшей индивидуальной и общественной активности и ответственности.

В конечном итоге, по убеждению Сарцинелли, функционирование ориентированной на общение политической коммуникации невозможно без компетентности граждан.

Актуальной для современной ФРГ является проблема взаимоотношений элиты и общества. Политолог Ф. Герстер указывает на падение компетентности элиты, снижение солидарности между социальными группами, закрытость процесса решения проблем для избирателей. Все это приводит к росту в обществе экстремистских настроений. Демократия, по убеждению Герстера, может выжить только в том случае, если политический класс будет вынужден объяснять логику своих действий [siehe: Gerster, 1994, 67].

В последующие годы в Германии было опубликовано огромное количество научных работ, посвященных проблемам политической коммуникации. Их рассмотрение выходит далеко за пределы возможного объема данной статьи.

Безусловно заслуживающим внимание явлением политической жизни Германии, как и других стран Запада, стало постепенное формирование демократии 2.0. Она основана на использовании интерактивных сайтов, блогов и социальных сетей в Интернете, определяемых как Web 2.0. Появление демократии 2.0 с точки зрения развития демократии рассматривается политологами как в целом положительное явление. Будучи формой делиберативной демократии, она открыла новые возможности для оживления политической публичной сферы. Демократия 2.0 позволила привлечь к обсуждению политических решений до и после их принятия разнообразные субъекты, среди которых:

- «– широкая общественность («человек с улицы»),
- более узкие круги общественности («хорошо информированный гражданин»),
- научно-академическое сообщество,
- совещательные и принимающие решения инстанции политико-административной системы» [Leggewie, Vieber, 2003, 148].

Важной особенностью демократии 2.0 является то, что она позволяет развернуть политические дискуссии на глобальном уровне.

Завершая раздел, отметим, что на рубеже XX и XXI вв. в немецкой политической науке был обозначен широкий круг вопросов, связанных с функционированием современной политической коммуникации. С ее развитием многие ученые связывают решение таких проблем, как сохранение целостности немецкого общества, преодоление разочарования граждан в политике, поднятие эффективности демократии. Значительное внимание при этом уделяется задаче институализации коммуникативных процессов. Немецкими политологами предлагаются разнообразные способы совершенствования политической коммуникации, одни из которых подразумевают улучшение существующей либеральной модели демократии, другие – ее постепенную трансформацию в направлении формирования коммуникативной модели демократии.

Заключение

Полноценная демократия в немецкой политической науке – не только политическое устройство, но и жизненный уклад народа. Поэтому изучение факторов, влияющих на

возникновение и развитие демократии, является в Германии важнейшей задачей ученых, занимающихся социально-политической проблематикой.

Поскольку политическая коммуникация является одним из таких факторов, то анализ политической коммуникации с момента ее зарождения и до наших дней занимает в немецкой науке весьма заметное место.

Объектом изучения немецких ученых являются практически все способы, уровни и типы политических коммуникаций. В последние годы особое внимание уделяется политическим коммуникациям при помощи технических средств. Важно отметить, что в ФРГ, начиная с 80-х годов прошлого века, совершенствованию политической коммуникации как средству активизации демократии придается все большее значение.

Предлагаемые в немецкой политической науке пути и способы совершенствования политической коммуникации, по мнению автора данной статьи, важны для развития демократии не только в Германии, но и за ее пределами.

Библиография

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Данн О. Нации и национализм в Германии 1770-1990. СПб.: Наука, 2003. 470 с.
3. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Лотос, 2004. 232 с.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2017. 288 с.
5. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
6. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016. 344 с.
7. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
8. Gerster F. Wie bleibt Politikgestaltung für den Bürger verstehbar? // Politische Kommunikation. Zum Problem der Verständigung zwischen Bürger und Staat. Strausberg: Druckerei WBV, 1994. S. 64-70.
9. Gestrich A. Absolutismus und Öffentlichkeit. Politische Kommunikation in Deutschland zu Beginn des 18. Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1994. 382 s.
10. Leggewie C., Bieber C. Demokratie 2.0. Wie tragen neue Medien zur demokratischen Erneuerung bei? // Demokratisierung der Demokratie. Diagnosen und Reformvorschläge. Frankfurt/Main, New York, 2003. S. 124-151.
11. Maaß A. Politische Kommunikation in Weimarer Republik. Das Dresdner Stadtverordnetenkollegium 1918-1933. Leipzig: Leipziger Universitäts Verlag GmbH, 2009. 393 S.
12. Sarcinelli U. Probleme politischer Kommunikation in Deutschland: Von symbolischer Politik zu Verständigungsorientierter Kommunikation? // Politische Kommunikation. Zum Problem der Verständigung zwischen Bürger und Staat. Strausberg: Druckerei WBV, 1994. S. 9-33.
13. Vorländer H. Demokratie: Geschichte, Formen, Theorien. München: Verlag C.H. Beck, 2003. 228 S.

German scientists on the historical and modern aspects of political communication in Germany in the context of the democracy development

Aleksandr Ya. Donin

PhD in Political Science,
Associate Professor,
Department of social and political science,
Saint Petersburg State Forest Technical University,
194021, 5, Institutskii lane, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: alexander_donin@mail.ru

Aleksandr Ya. Donin

Abstract

The emergence of political communication as a verbal communication of equal entities in European countries belongs to the era of absolutism. The methodological basis for its studying in political science in Germany is the concept of the bourgeois public sphere, developed by J. Habermas. This concept allows us to determine the relationship between private life and political communication, as well as the importance of institutionalized communication in society for the development of political processes. Despite the general recognition of the concept of the bourgeois public sphere in the whole it is criticized in the scientific community of Germany for the lack of the role of scientists in the emergence of political communication, for the lack of analysis of political communications in the plebeian environment, and for underestimating non-verbal political communications. An analysis of German political communication scientists in Weimar Germany permits to make the conclusion that full-fledged political communication is impossible in a society in which there is no unity in fundamental political values and there is a severe economic crisis. In crisis conditions, non-verbal communications turn out to be very effective, and those that are designed for emotional impact. As applied to modern times, German scientists strive to solve the problem of improving democracy through the development of political communication. The range of their proposals includes both ideas for improving liberal democracy, and the transition in Germany to a communicative model of democracy.

For citation

Donin A.Ya. (2019) Nemetskie uchenye ob istoricheskikh i sovremennykh aspektakh politicheskoi kommunikatsii v Germanii v kontekste razvitiya demokratii [German scientists on the historical and modern aspects of political communication in Germany in the context of the democracy development]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (5A), pp. 145-156. DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.016

Keywords

Political communication, political public sphere, democracy, bourgeois society, public, mass media.

References

1. Arendt H. (1973) *The Origins of Totalitarianism*. Harcourt.
2. Dann O. (1992) *Nation und Nationalismus in Deutschland*. C.H.Beck; Auflage.
3. Fromm E. (1994) *Escape from Freedom*. Holt Paperbacks.
4. Gerster F. (1994) Wie bleibt Politikgestaltung für den Bürger verstehbar? In: *Politische Kommunikation. Zum Problem der Verständigung zwischen Bürger und Staat*. Strausberg: Drückerei WBV.
5. Gestrich A. (1994) Absolutismus und Öffentlichkeit. *Politische Kommunikation in Deutschland zu Beginn des 18. Jahrhunderts*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
6. Habermas J. (2000) *The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory*. The MIT Press.
7. Habermas J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. The MIT Press.
8. Leggewie C., Bieber C. (2003) Demokratie 2.0. Wie tragen neue Medien zur demokratischen Erneuerung bei? In: *Demokratisierung der Demokratie. Diagnosen und Reformvorschläge*. Frankfurt/Main, New York.
9. Luhmann N. (1996) *Social Systems (Writing Science)*. Stanford University Press.
10. Maaß A. (2009) *Politische Kommunikation in Weimarer Republik. Das Dresdner Stadtverordnetenkollegium 1918-1933*. Leipzig: Leipziger Universitäts Verlag GmbH.

11. Sarcinelli U. (1994) Probleme politischer Kommunikation in Deutschland: Von symbolischer Politik zu Verständigungsorientierter Kommunikation? In: Politische Kommunikation. Zum Problem der Verständigung zwischen Bürger und Staat. Strausberg: Drückerei WBV, 1994. S. 9-33.
12. Vorländer H. (2003) Demokratie: Geschichte, Formen, Theorien. München: Verlag C.H. Beck.
13. Webster F. (2006) Theories of Information Society. Routledge.